Бирюкова Анна Борисовна

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНЦЕ XVIII - СЕРЕДИНЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Статья посвящена формированию архитектурно-пространственной среды провинциальных городов России в эпоху "долгого XVIII века". Цель настоящей публикации - изучение социокультурных аспектов градостроительной деятельности на примере Среднего Поволжья. Автор сосредотачивает внимание на практике градостроительства. Изменения, происходившие в городской пространственной среде, позволяют сделать следующий вывод: города региона вступили в новую фазу модернизационного развития и находились в состоянии перехода от города позднефеодальной эпохи к городу предындустриальному.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 30-37. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93(47-57)
Исторические науки и археология

Статья посвящена формированию архитектурно-пространственной среды провинциальных городов России в эпоху «долгого XVIII века». Цель настоящей публикации – изучение социокультурных аспектов градостроительной деятельности на примере Среднего Поволжья. Автор сосредотачивает внимание на практике градостроительства. Изменения, происходившие в городской пространственной среде, позволяют сделать следующий вывод: города региона вступили в новую фазу модернизационного развития и находились в состоянии перехода от города позднефеодальной эпохи к городу предындустриальному.

Ключевые слова и фразы: планировка; застройка городов Среднего Поволжья; самовольная застройка; благоустройство города; предындустриальный город; архитектурно-пространственная среда провинциального города.

Бирюкова Анна Борисовна, к.и.н., доцент
Самарский государственный технический университет
annabir@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)©

Город – это, прежде всего, особо организованное, визуально наблюдаемое, «окультуренное» пространство, неизбежно оказывающее влияние на формирование личностных качеств человека. Ретроспективный анализ градостроительной деятельности и ее практической реализации в конкретном пространственно-временном континууме позволяет оценить социокультурную динамику развития города, помогает выявить новые черты в городском образе жизни, проследить трансформацию системы ценностей горожан. Состояние городской архитектурно-пространственной среды является одним из показателей уровня и качества жизни городского населения. В то же время «физическая природа» города и еѐ восприятие жителями являются важнейшим компонентом формирования территориальной идентичности горожанина, которая, в свою очередь, выступает в качестве условия генерирования «сообщества, способного к коллективному действию» [47, с. 96], направленному на повышение благополучия городской среды.

В новейшей российской историографии городоведческая тематика является весьма востребованным направлением, отдельную нишу в котором занимает градостроительная проблематика. Вместе с тем исследования городской инфраструктуры, формирования архитектурно-пространственной среды, «жилищной проблемы» в дореформенных провинциальных городах осуществлялись главным образом на материалах центрального района или урало-сибирского региона. Это обстоятельство делает актуальным изучение вышеобозначенной тематики на примере Среднего Поволжья, что в дальнейшем позволит воссоздать целостную картину жилой среды провинциальных городов дореформенной России.

Целью настоящей публикации является изучение социокультурных аспектов градостроительной деятельности в эпоху «долгого XVIII века» (последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX вв.) [18, с. 10] по материалам средневолжских губерний. В частности, ставились следующие задачи: охарактеризовать особенности архитектурно-пространственной организации городов Среднего Поволжья; определить семантическое значение структурных элементов городского пространства; выявить круг социальных проблем, возникавших в ходе реализации градостроительной деятельности.

В первой половине XIX века в городах Среднего Поволжья вызревали предпосылки для перехода от патриархального образа жизни к пробуржуазным отношениям. Эта тенденция отразилась и на эволюции внешнего облика городских центров региона. Все города Российской империи с конца XVIII в. развивались по конфирмованным регулярным планам и «образцовым проектам». Вместе с тем реализация градостроительной политики на местах приобретала свои специфические черты не только в отдельном регионе, но зачастую в отдельном городе.

Развитие архитектурно-планировочной структуры городских центров Среднего Поволжья во многом было детерминировано их генезисом. Большинство средневолжских городов получили (или подтвердили) статус города в 1780-1781 гг. Так, к началу XIX века на территории Пензенской, Симбирской, Саратовской губерний насчитывалось 37 городов (включая заштатные); в конце 1840-х годов – 40 (в 1836 г. в Саратовской губернии были созданы Новый Узень, Николаевск и Царев); с образованием Самарской губернии (1851 г.) и передачей из состава Оренбургской губернии трех городов Бугульмы, Бугуруслана и Бузулука – 42 города (Царев был передан Астраханской губернии) [19, с. 38; 27, с. 279].

Одни средневолжские города были основаны в конце XVI-XVII вв. как опорные пункты-крепости, включенные в систему засечных черт (Симбирская, Пензенская, Сызранская, Закамская). К концу XVIII столетия они потеряли свое военное предназначение, но сохранили в пространственной организации (полностью или частично) остатки крепостных валов и укреплений (Инсар, Камышин, Самара, Симбирск, Царицын, Корсунь, Сызрань, Нижний и Верхний Ломов, Бузулук, Сенгилей и др.). Другие – были искусственно преобразованы волевым решением правительства из сел, посадов или слобод в 1780-е годы (Вольск, Бугуруслан,

© Бирюкова А. Б., 2014

Бугульма, Буинск, Ардатов, Чембар, Буинск), поэтому единственными архитектурными доминантами на территории таких городов были культовые сооружения.

Типичным городом региона был уездный центр с численностью 5 тыс. жителей. Вместе с тем, в середине XIX столетия в Симбирске, Пензе, Самаре, Сызрани, Вольске, Саранске проживало от 10 до 20 тыс. человек, а в Саратове – более 40 тыс. горожан [4, с. 28-29]. Уклад жизни и визуальный облик крупных торговых городов (Саратов, Сызрань, Самара, Вольск, посад Дубовка) отличались как от многих уездных городов, сохранявших патриархальные черты (Аткарск, Буинск, Сердобск и др.), так и от таких «дворянских» губернских центров как Симбирск и Пенза.

Конструирование городской пространственной среды, утверждение регулярных планов, рекомендации по застройке и благоустройству являлись важнейшей частью программы переустройства российского города, инициированной Екатериной II в 1775-1785 гг. и продолжавшейся в той или иной мере еѐ внуками – Александром I и Николаем I. Целью этой политики было создание опорных административных и культурных цивилизационных центров на просторах империи, с развитой социальной инфраструктурой и действенными органами городского самоуправления. Город должен был стать визуальным воплощением просвещенческой риторики, зримым доказательством движения России по пути прогресса. Упорядоченному градостроительству в Российской империи положил начало указ 1763 года «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо» [26, с. 319]. С 1776 г. по 1788 г. были утверждены 287 планов городов [33, с. 46].

Несмотря на общую стилистическую основу, архитектурно-планировочная структура средневолжских городов обладала уникальными особенностями. Провинциальные города Среднего Поволжья, не имевшие многовековых архитектурных сооружений, в своем облике должны были совместить образы новой и старой столиц. Однако весь комплекс мероприятий предполагавший сформировать в городах упорядоченное геометрически правильное пространство, с прямыми широкими улицами, площадями, каменными домами в центре не мог быть осуществлен полностью в силу целого ряда причин. В первую очередь претворение в жизнь градостроительных замыслов неизбежно привело бы к уничтожению подавляющей части деревянных домов, что неизбежно должно было сказаться на материальном благополучии их владельцев. Поэтому уже в начале XIX века, к примеру, в Симбирске было разрешено строить деревянные дома на каменном фундаменте на местах, отведенных под каменное строительство [24, с. 385].

Реализация градостроительной политики протекала под влиянием ряда факторов, сочетание которых предопределяло в конечном итоге облик того или иного средневолжского города. К таковым следует отнести: «происхождение» города; ландшафтные особенности местности, природно-климатические условия; сословный и этно-конфессиональный состав жителей; сословные интересы отдельных корпораций; хозяйственно-экономическую сферу городской жизни и занятия горожан; состояние городских бюджетов; усилия отдельных пассионарных личностей, местной и центральной власти, направленные на облагораживание города.

Пересмотр градостроительной документации, вызванный интенсивным развитием торгово-экономической сферы, в первой четверти XIX века имел место лишь в некоторых городах региона (Саратов, Вольск). Так, за полвека площадь Саратова увеличилась в пять раз. В течение 12 лет для него было разработано два плана застройки [43, с. 35]. Теми же причинами объясняется и расширение территории Самары в 1830-1840-е годы, зафиксированное в двух планах 1840 г. и 1853 г. [12, с. 400-402].

Большее влияние на градостроительные процессы в дореформенный период оказывали природные факторы, в частности, пожары. Весьма распространенным явлением, сопровождавшим градостроительные мероприятия, было переселение жителей из центра на городские окраины. А поскольку перепланировка города довольно часто следовала вслед за крупным пожаром, это порождало волну слухов об умышленных поджогах, осуществлявшихся властями с целью стимулирования упорядоченного строительства [36, д. 286, л. 2-15]. Так, план Сызрани 1782 года был пересмотрен после пожара 1795 года; новый план Саратова, предусматривавший поквартальную застройку, был принят после крупного пожара 1811 года [5, с. 12; 13, с. 117]. Современники указывали на то, что серия пожаров, случившихся в Самаре в 1807 г., 1848 г., 1850 г., 1851 г., 1854 г., 1856 г., должна была разорить город, привести его в полное запустение, однако пожары лишь способствовали «украшению» молодой губернской столицы. Самарский учитель Г. Н. Потанин в начале 1850-х гг. писал: «Те же самые опустошительные пожары делают Самару еще обширнее, еще прекраснее» [Цит. по: 1, с. 235].

Корректировка городского пространства неизбежно приводила к изменению домовладений горожан. Часть земли, принадлежавшей им, отходила под площади и улицы, за что домовладельцы должны были получать определенную компенсацию. На практике этот механизм срабатывал не всегда. В Саратове деньги выплачивались нерегулярно, что спровоцировало конфликт между горожанами и властью (1846 г.) [10, д. 151, л. 2 – 2 об.; 37, д. 78, л. 110-113]. Другой вариант развития событий можно было наблюдать в Самаре (1854 г.). Возведение архиерейского дома, зданий семинарии и духовной консистории потребовало переселения на другие места 52 домовладельцев. У некоторых из них не оказалось «на застроенные места законных актов». Однако власти выделили им землю на окраине без выплаты компенсации на том условии, что «участки, назначенные под (*их – А. Б.*) поселение отводятся без всякой платы, но с тем чтобы, участки эти не были отчуждаемы и передаваемы в посторонние руки, и что, в случае если, земля потребуется для какого-либо другого назначения, владельцы обязуются снести свои строения без всякого зачета вознаграждения» [46, д. 1068, л. 19 – 24 об.].

В средневолжских городах сформировались разные типы планировки. Прямоугольная и диагональная композиция плана из-за сложившейся ранее застройки городов-крепостей с относительно прямыми параллельными улицами преобладала в городах Пензенской губернии [23, с. 320]. По мнению О. А. Летучевой,

регулярный план Пензы «в сочетании с ландшафтной особенностью места оказался очень близок к оптимальной модели» [20, с. 45]. Те же принципы легли в основу плана застройки Саратова (1812 г.). Особенностью Симбирска было сочетание радиально-концентрической и прямоугольной планировок [29, с. 73, 78-79; 43, с. 16]. Некоторые города сохраняли в качестве центра крепость (Ставрополь-на-Волге); в других – от крепостных сооружений, уничтоженных в XVIII столетии, оставались только валы. В Самаре крепостной вал сохранялся вплоть до 1850-х годов и был срыт только в 1851-1853 гг. [17, с. 21-56, 137-141; 31, д. 65, л. 11]. Своеобразием отличалась планировка Сызрани (планы 1783 г. и 1804 г.). Историк сызранской архитектуры В. И. Бурая считает это заслугой уездного землемера Ивана Хильдебранта, «которому удалось найти индивидуальный подход к перепланировке города, сориентировав главные уличные магистрали каждого из двух наиболее крупных районов, разделенных Крымзой…, на сохраненное при перепланировке старое ядро города (*Спасская башня – воротная башня бывшего кремля – А. Б.*). Таким образом, главенство кремля с прилегающими к нему кварталами, выявленное в пространственной композиции дорегулярного города, было закреплено в планировочной структуре в конце XVIII века…» [5, с. 27].

Планы городов, как и «образцовые» проекты фасадов домов, претерпевали стилистические трансформации на протяжении всего исследуемого периода. С 1830-х годов теория градостроительного искусства развивается под влиянием идей романтизма. Город предстает как многофункциональный организм [38, с. 95], а не только как «территория власти». Планировка города должна была подчеркнуть не только его административное, но и гражданское назначение. Обязательным компонентом города была площадь – место сбора горожан [48, с. 203]. Предусматривалось строительство административных (вокруг них должны были размещаться присутственные места) и торговых площадей. Торговые площади находились на периферии, но в ряде городов (Саранск, Верхний Ломов) они выполняли и административные функции [20, с. 51-52]. Занятия горожан напрямую отражались на облике города. Городская планировка Саратова и Вольска подчеркивала ярко выраженную торговую функцию этих городов. Главной площадью Вольска должна была стать Троицкая, но роль центра вскоре перешла к Торговой площади. Здесь разместились лавки, присутственные места, уездное училище, а в середине 1840-х годов здесь возвели новый собор [43, с. 19, 20]. Исключением среди уездных городов региона стала Сызрань. Несмотря на то, что город на протяжении всего рассматриваемого периода являлся торговым, что подтверждается как социальным составом его жителей, так и родом их занятий, площадному пространству не нашлось места в его планировочной структуре. Присутственные места здесь располагались не на площади, а на территории бывшей крепости [5, с. 16]. Весьма примечателен тот факт, что большинство городских площадей были немощеными, а посреди них находились огромные лужи.

Таким образом, «геометрические» планы средневолжских городов в массе своей учитывали особенности природно-ландшафтной среды, а иногда их предыдущую планировку, сохраняя тем самым неповторимый колорит и индивидуальный облик города. Градостроительная политика конца XVIII – 30-х гг. XIX века, с одной стороны, была направлена на вливание периферийных районов в общегородское пространство, объединение посада и слобод в единую композицию; с другой – в ее задачи входило формирование смысловых акцентов в восприятии города. Тамбовский исследователь И. Г. Пирожкова считает, что в этот период происходило «утверждение жесткой социальной топографии города» [33, с. 48]. Действительно, в провинциальном русском городе существовала иерархия пространства, хотя не столь ярко выраженная как, например, в азиатских городах [16, с. 21]. В доказательство этого утверждения можно привести пример Пензы или Саратова, в центре которых располагались не только дворянские, но и купеческие дома [34, с. 166].

Теория «официальной народности» пропагандировала идею самобытной имперской государственности, которая внедрялась в том числе и в градостроительстве. Город должен был стать визуальным олицетворением этой идеологии. Наибольшей сакральностью обладало центральное пространство города, где сосредотачивалась административная и общественная жизнь, располагались присутственные места, учебные заведения, Благородное собрание, соборы. В некоторых городах, например, в Самаре, получившей статус губернского центра только в 1851 г., на площади появились городские часы (1853 г.) [46, д. 7, л. 23 об.], что было, на наш взгляд, весьма символично.

Внутри городского пространства располагались и места, пользовавшиеся дурной славой. В оврагах и садах селились нищие, преступники, здесь же хоронили самоубийц, некрещеных младенцев, закапывали клады. Особым миром в русском городе были слободы, населенные казенными крестьянами и отставными солдатами. Они, с одной стороны, были автономны по отношению к центру, с другой – играли роль посредника, между городом и деревней.

Определяющим компонентом в восприятии города была организация его внутреннего пространства. Самым уютным губернским городом Поволжья была Пенза. Пленный офицер Юлиус фон Зоден так описывал Пензу 1813 года: «Пенза предстала перед нами не такой, как те русские города, которые мы видели до сих пор. Она была похожа на милый сердцу немецкий город. Дома на центральной улице были красивы и построены плотно друг к другу. Несколько других улиц располагались к главной под прямым углом» [14, с. 12]. Многие отмечали, что Симбирск был очень красив издалека, но внутреннее пространство разочаровывало путешественников [4, с. 52]. Каменные дома, как и в Саратове, не создавали целостного ансамбля, находясь друг от друга на значительном расстоянии. Большинство уездных городов имели запущенный сельский вид из-за длинных пустынных улиц, поросших травой, раскинувшихся в самом центре городов, огородов и деревянных изб, крытых соломой [13, с. 120; 37, д. 32, л. 4]. Исключение составляли Камышин, Вольск, Алатырь с красивыми домами и церквами [31, д. 65, л. 1 об., 15].

Алатырь (один из самых старых городов региона) к началу XIX века насчитывал всего лишь три тысячи жителей, но в нем действовало 14 храмов, как и в губернском Симбирске [4, с. 319]. Именно это обстоятельство позволило местному чиновнику И. А. Второву написать в своем дневнике 1 сентября 1801 г.: «Приехали в Алатырь, лучший город нашей губернии» [30, д. 8, л. 4]. Храмы и монастыри выступали не только в качестве архитектурной, но и социокультурной доминанты в городе. В многочастной структуре городов они играли роль локальных композиционных центров, вокруг которых формировалась слободская застройка, как, к примеру, в Сызрани [5, с. 9]. Храмовые площади становились местами для ярмарочной торговли. Приходы объединяли вокруг себя горожан близких друг другу как социально, так и профессионально. Так, в Пензе в конце XVIII века на средства купца Михаила Очкина была построена Петропавловская церковь, прихожанами которой стали состоятельные купеческие семьи. Как и Спасский собор, прихожанами которого были дворяне и чиновники, Петропавловская церковь, была возведена на главной оси города [4, с. 213]. Таким образом, были расставлены как архитектурные, так и социальные акценты, определявшие семантику центрального городского пространства.

Если Пенза и Симбирск – это «дворянские» столицы, то Саратов – город купеческий, торговый. Это различие подчеркивалось как социальным составом жителей, так и обликом городов. К середине XIX века в Саратове сложились два архитектурных ансамбля. Первый концентрировался вокруг торговой площади и старого собора, второй − вокруг нового Александровского собора и административной площади. Облик Симбирска изменился к 1840-м годам. В центре города оформился комплекс административных, учебных зданий был разбит бульвар. В 1845 г. здесь установили памятник Н. М. Карамзину [22, с. 81-82; 40, с. 24-25] – первый памятник в Среднем Поволжье.

В застройке Вольска, Хвалынска, посада Дубовки огромную роль сыграло старообрядческое купечество. Впрочем, разница в облике городов с преобладанием купеческо-мещанского сословия могла быть весьма существенной. Так, к примеру, в Вольске сложился ансамблевый комплекс зданий разнообразного назначения, построенных в стиле классицизм. Вся история Вольска конца XVIII – начала XIX в. связана с именем В. А. Злобина – знаменитого купца-миллионщика, на деньги которого или при его участии в городе было построено множество великолепных особняков, больница, гостиный двор. При его посредничестве в Вольске раньше всех городов региона (1805 г.) начали мостить улицы. После разорения В. А. Злобина многие вольские купцы также потерпели фиаско и не смогли достроить свои дома [6]. В. И. Беккер писал о Вольске следующее: «При самом вступлении в город, вы поражаетесь огромными каменными недостроенными домами, и, смотря на них, подумаешь, что случилось это после пожара или неприятельского нашествия» [2, с. 43]. Иная ситуация наблюдалась в Сызрани и Хвалынске, где не было такого притока капиталов и покровительства свыше, а губернские архитекторы не уделяли столь пристального внимания нуждам горожан, поэтому здесь не сложились столь яркие архитектурные ансамбли, а эстетические предпочтения купечества отразились, главным образом, в культовой архитектуре [5, с. 86].

Существенное влияние на облик провинциальных городов региона оказывала торговля. Длительное время практически во всех провинциальных городах базарные дни и ярмарки проходили не на окраинах, а в самом центре города. Попытки властей вытеснить торговцев из центра, как правило, терпели крах. В 1804 году в Пензе перенесение Петровской ярмарки закончилось неудачей, поскольку не нашлось желающих выстроить лавки за городской чертой [44, с. 32, 38].

Вместе с тем городские власти не оставляли попыток «окультурить» торговое пространство. В городах возводились гостиные дворы. В Саратове деревянный гостиный двор появился в 1811 г. на старой Соборной площади. В Пензе такой гостиный двор был построен в 1830 году. В Симбирске гостиный двор (1832-1834 гг.) был каменным [8, д. 1391. л. 93-95; 22, с. 83]. По их периметру располагались до полусотни торговых секций, подвалы и ледники для хранения товаров, а во внутреннем дворе помещался открытый «толкучий» рынок. Уникальный для региона двухэтажный каменный Гостиный двор появился в Вольске. В Саратове и Самаре были обустроены специальные хлебные площади, появились ветряные мельницы [43, с. 26].

В крупных центрах хлебной торговли (Дубовка, Самара) около рек было много соляных и хлебных амбаров. В Самаре амбары находились на берегах рек Самара и Волга. В начале XIX века их было 90, а конце 1840-х гг. – более двухсот (с 1833 г. началась «белотурная лихорадка» сопровождавшаяся высоким урожаем пшеницы-белотурки и высокими ценами на нее [42, с. 334]). По плану 1853 г. предполагалось строить амбары в виде групп кварталов с широкими проездами, которые, увы, так и не были обустроены [17, с. 293].

Существенный диссонанс в облик волжских городов вносили и неблагоустроенные прибрежные территории, которые не затрагивались городской планировкой. Самарская «набережная», к примеру, практически весь год «была завалена лесом и дровами» [7, с. 144]. В законодательстве был закреплен статус бечевника – береговой полосы в десять сажен, находящейся в общем пользовании и предназначенной для нужд судоходства (лошадиной или бурлацкой тяги) и лесосплава, разгрузки и загрузки судов, временного складирования товаров [21, с. 123]. Именно этим объясняется неудовлетворительное состояние набережных в средневолжских городах. В дальнейшем хозяйственная и промышленная застройка в прибрежной зоне волжских городов разрослась еще больше. Сформировавшаяся во второй четверти XIX века установка на восприятие города как хозяйственно-экономического организма [38, с. 78-81], разделявшаяся как теоретиками городоведения, так и высшей бюрократией, привела к тому, что существовавшие ранее законодательные нормы, запрещавшие строить заводы и фабрики в черте города или выше по течению реки, в 1840-е годы были отменены [32, с. 146].

Важнейшим направлением градостроительной деятельности в первой половине XIX века становятся мероприятия, связанные с благоустройством провинциальных городов, включавшие мощение улиц и площадей; ликвидацию оврагов и осушение заболачиваемых участков; профилактику пожаров. Города Среднего

Поволжья не столько перенимали новшества по благоустройству, выработанные в столицах, сколько устраивали свой быт, исходя из местных условий и опираясь на предписания центральной власти. Особую роль в формировании облика Пензы и Симбирска сыграли рекомендации Николая I. На облик Саратова в определенной мере оказали воздействие некоторые черты бытокультуры немецких колонистов. В частности, именно в Саратове появился первый среди поволжских городов водопровод, стала застраиваться в немецком стиле одна из центральных улиц города [3, с. 33].

Далеко не всегда инициатива властей по облагораживанию территории поддерживалась горожанами. В 1838 г. Саратовская дума решила перенести с Верхнего базара кузницы, принадлежавшие купеческому и мещанскому обществу, за город, а на их месте устроить рыбные ряды. Кузницы были ветхими и мешали проезду. Несмотря на то, что мастеровые единогласно признали отведенное им место неудобным, власти не захотели пойти им навстречу. Дело тянулось несколько лет. Под разнообразными предлогами строительство задерживалось, так как ответственные за это мещане и купцы безуспешно пытались убедить власти предоставить им место около Спасо-Преображенского монастыря [9, т. 1, д. 1941, л. 21 об. – 22].

Формирование архитектурно-пространственной среды провинциального города строилось на сочетании природных и антропогенных компонентов. Стихийные природные пространства органически вписывались в «городской» ландшафт уездных центров, не затронутых урбанизацией. Ускорение темпа жизни, изменение социальной среды провинциального города, распорядка жизни обывателей и усложнение структуры потребления (включая досуг) способствовали формированию новых локальных сред внутри городского пространства. Буйство природы в городе требовало упорядоченности. С 1830-х годов общественные сады, бульвары и скверы становятся одним из атрибутов городского окультуренного пространства. В Саратове публичный сад планировалось завести в 1843 г. с уничтожением шелковичной плантации, не приносившей городу дохода. В 1830-х гг. при содействии губернатора за городской чертой был устроен плодовый сад, открытый для саратовцев [39, с. 238]. На обустройство публичного гуляния Пензы во второй половине 1830-х гг. власти выделили 500 руб. [8, д. 2118, л. 8-14, д. 2225, л. 12-23]. В. И. Беккер, посетивший Пензу в 1842 г., писал, что в общественном саду есть несколько фонтанов, «оживляющих своею прохладою в знойные дни» [2, с. 6].

Города становились опорными пунктами на бескрайних русских просторах, испещренных множеством дорог. Прокладка трактов и их благоустройство, активно проводившиеся в Среднем Поволжье в первой четверти XIX века [3, с. 30], означали включение отдаленных губерний в общее культурное пространство империи. Въезд в город занимал особое место в семантике городской архитектурно-пространственной среды. На главных дорогах въезды отмечались колоннами или триумфальными арками, здесь же были указатели, обозначавшие количество душ и домов в городе. Почтовые тракты, перераставшие в главные улицы, становились стержнем городского пространства. Ширина улиц определялась в 10-15 саж., хотя допускалась и меньше, если не было возможности устроить улицы обозначенной ширины [15, с. 141]. В Сызрани улицы были очень узкими (не шире 10 сажень), а в Симбирске и Саратове – широкими и пустынными [2, с. 9; 31, д. 65, л. 25 об.].

Таблички с названием улиц и номерами домов стали приметой городского облика в Среднем Поволжье только в 1840-е годы [41]. Топонимика городских улиц и площадей была связана с расположенными на них объектами, в первую очередь храмами. Проживавшие в городах национальные, профессиональные или сословные группы давали названия улицам и слободам (Дворянские, Немецкие, Лекарские улицы; Черкасские и Пушкарские слободы), что свидетельствовало о социальном маркировании, «включении» профессиональной или сословной группы в общегородской социум.

В городах было несколько частей, которые делились на кварталы, ограниченные с четырех сторон основными улицами. В Карсуни было две части; в Симбирске, Ставрополе, Сенгилее – три; в Саратове – четыре; в Сызрани – пять. Части города разделялись естественными препятствиями – длинными оврагами, речками, что не только негативно влияло на реализацию градостроительных мероприятий и качество жилой среды, но усиливало обособление этих районов. Так, к примеру, в Сызрани в силу природно-географических условий топографические элементы местности способствовали укоренению в нем позиций старообрядческих общин. Застройка сызранских слобод «часто имела замкнутый характер по отношению к другим частям города» [5, с. 9]. В 1856 году для борьбы с распространением раскола среди горожанок был основан Сретенский женский монастырь [4, с. 232].

Несмотря на то, что конфирмованными планами (многие планы были рассчитаны на 3-4 десятилетия) были определены правила застройки городов, на практике они реализовывались далеко не всегда. Облику большинства городов не хватало ансамблевой целостности и завершенности. Диссонанс ему придавало сочетание, с одной стороны, многочисленных пустырей, одноэтажных деревянных покосившихся зданий, с другой – каменных домов и особняков, построенных по канонам классицизма [2, с. 8-9; 43, с. 35]. Для поддержания плановой застройки вводился запрет на ремонт домов и надворных построек, предназначенных на слом, что еще более усугубляло бесприютность провинциальных городов.

Согласно планам, предусматривалось застраивать кварталы или деревянными, или каменными зданиями. Большинство горожан не имели средств на возведение каменного дома, поэтому места, предназначенные для их постройки, долгое время пустовали, а в итоге здесь все-таки вырастали деревянные дома [24, с. 385]. Внутри многих городов продолжали существовать поля с хлебом. В 1832 г. были изданы правила, регламентировавшие аренду городских выгонов. Кварталы городов, которые долгое время не застраивались, передавались опять под территорию выгонов, садов и огородов. Для этого местные власти обязательно должны были составить проекты новых планов [4, с. 59]. В 1840-х гг. на окраинах Самары рядом с Троицкой (тогда Сенной) площадью было много пустых мест, которые даже не были огорожены из-за отсутствия претендентов

на застройку. Ситуация изменилась в конце 1840-х годов. Город наполнился слухами о возможном изменении его статуса на губернский центр, поэтому места на окраинах стали «разбираться довольно сильно» [35, с. 19].

Отражалась на застройке городов неразрешенность многих бытовых проблем. Нехватка воды остро ощущалась жителями Саратова и Симбирска. Поскольку в отдаленных от Волги частях Саратова трудности возникали не только с питьевой, но и технической водой, а услуги водовозов были недешевы [3, с. 31], это привело к скученности построек на волжском берегу. Домовладельцы за определенную плату разрешали строить на своих местах хижины малоимущим горожанам, поэтому в Саратове домов было намного больше, чем было зафиксировано в документах. Подобное строительство приносило выгоды владельцам участков, однако город не получал с самовольных построек поземельного сбора. Самовольная застройка контролировалась неэффективно. В Саратове необходимые для строительства съемки с натуры даже в 1840-е гг. проводились «только в некоторых местах» [37, д. 78, л. 27], а городские власти не имели описи всех земель.

Важнейшим элементом регулярного строительства в городах стало внедрение «образцовых проектов» зданий различного назначения. В свет вышло несколько серий таких проектов, отражавших трансформацию этических и эстетических концепций, на базе которых осуществлялось конструирование городского пространства российской провинции [28, с. 119-177]. Если в конце XVIII – первой трети XIX в. образцовые проекты (позднее возник термин «нормальный» проект) были разработаны для административных зданий, то в дальнейшем были созданы проекты для зданий общественного назначения – больниц, учебных заведений, тюрем (конец 1820-х – 1830-е гг.), а также для частных домов и храмов. Город как олицетворение государственной мощи постепенно приобретал новые черты, становясь местом концентрации разных социальных групп, чьи интересы, устремления, вкусовые предпочтения напрямую оказывали влияние на формирование визуального образа города. Эта тенденция отразилась не только в изменении нормативной базы градостроительства (Строительный устав 1832 г. претерпел несколько редакций [33]), но и в его практике.

Несомненно, что «образцовые проекты» выступали инструментом воздействия государства на сферу эстетических предпочтений конкретного индивида и были направлены на унификацию городской застройки. Парадокс заключался в том, что с 1830-х годов всесторонняя регламентация градостроительной деятельности, хотя и ограничивала возможности горожанина в домостроительстве, не носила характер тотального вмешательства властных структур в его частное пространство. Выпуск новых образцовых проектов не отменял возможности руководствоваться при возведении частных домов ранними сериями, а во-вторых, «нормальные проекты» 1830-1840-х гг., как отмечает Е. И. Кириченко, «за всю историю их существования в России» стали учитывать потребности разных заказчиков, «многообразие желаний, вкусов, пристрастий… будь то частное лицо… или казенное учреждение» [38, с. 184].

Анализ реалий градостроительной деятельности в провинции показывает, что многие законодательные нормы не только не соблюдались, но и едва ли были известны частным застройщикам. Сознательное нарушение правил городской застройки и возведение домов обывателями было сопряжено, как правило, с низким материальным достатком семьи. Разрешение на строительство дома выдавал уездный землемер, к которому горожане обращались через городскую думу. После утверждения плана и фасада дома обыватель шел в Губернское правление, затем − в строительную комиссию (существовали с 1843 года), отсюда все документы направлялись в полицию для передачи их владельцу. Уездный землемер отводил место и следил за правильностью постройки. О любой перестройке дома или надворных построек горожанин обязан был известить власти. В строительстве обывателю отказывалось, если фасад дома не соответствовал образцам или в случае «маломерности дворового места» [45, д. 315, л. 20-36].

Дома в городах были нескольких типов. В конце XVIII – начале XIX в. происходит оформление городской усадьбы, которая строилась по аналогии с сельской. Дом находился не на переднем плане, а предварялся наличием небольшого палисадника. Хозяйственные постройки располагались по бокам дома, а за ним был сад. Иногда к домам примыкали флигели, где жила прислуга или постояльцы. Типичный городской дом – это деревянная изба на высоком подклете или без него. Из-за дороговизны кирпича городские дома часто строились не на сплошном, а на сложном фундаменте, где использовались дубовые сваи, бутовый камень, известь или на кирпичных столбах [15, с. 32, 81, 82]. Кирпич и кровельная черепица изготавливались главным образом для хозяйственных нужд на небольших «заводах» [8, д. 1128, л. 107], поэтому кирпичных зданий в городах было немного, преобладали деревянные постройки, иногда облицованные кирпичом [2, с. 9]. Дороговизна была не только на кирпич, но и на лес, что объясняет неприглядный вид многих зданий.

Консерватизм горожан в выборе фасадов для частных домов (многие жители в середине XIX в. возводили дома по проектам 1809-1812 гг., а в предреформенное десятилетие – по проектам 1843-1852 гг. [5, с. 104; 28, с. 119-177]) объясняется тем, что на местах не хватало профессиональных архитекторов, кроме того, альбомы с образцовыми фасадами были весьма дороги [33, с. 74], поэтому проекты составлялись по тем документам и образцам, которые были доступны обывателю. Нехватка архитектурных кадров в провинции вынуждала горожан использовать разнообразные «пособия» по строительству, в которых приводились сведения о материалах, указывались правила составления плана жилого дома. Особенно популярными были фасады для деревянных домов, использовавшие традиционные деревянные украшения [28, с. 130-138, 171, 176], что свидетельствовало о влиянии на эстетические вкусы горожан сельских традиций строительства.

В первой половине XIX века в провинциальных городах формируется собственное «окультуренное» пространство, визуально отличное как от пространства сельской округи, так и дворянской усадьбы. На протяжении «долгого XVIII века» в городской архитектурно-пространственной среде Среднего Поволжья появляются новые структурные элементы, складывается новая предметная реальность (регулярная, типовая застройка;

формирование зданий особого назначения – присутственных мест, гостиных дворов, образовательных учреждений и даже тюремных замков; строительство различных типов частных домов; формирование садово-паркого пространства), больше уделяется внимания вопросам благоустройства. Все эти факты свидетельствовали о том, что города региона вступили в новую фазу модернизационного развития и находились в состоянии перехода от города позднефеодальный эпохи к городу предындустриальному. Этот процесс носил неодномерный, нелинейный, многофакторный характер.

Решение проблем благоустройства, а следовательно, создание комфортабельных условий жизни для всех горожан, были связаны также с формированием городской идентичности, «самостийностью» города. «Освоение» жителями городской территории через облагораживание скверов, парков, придание им статуса «житийности» – важная черта в контексте изучения тех изменений, которые происходили в социокультурном пространстве поволжских городов. В то же время многие вопросы, связанные с благоустройством городской территории, так и оставались нерешенными на протяжении многих лет. Основная причина подобного положения вещей заключалась не только в бедности городских бюджетов, но и в корпоративной ментальной культуре большинства горожан, которые не ощущали ответственности за «возделывание своего места», сопричастности с проблемами города в целом. Источники изобилуют примерами решения общегородских задач за счет частной инициативы именно тогда, когда они затрагивают интересы определенной сословной или профессиональной корпорации горожан [3]. В то же время корпорации мещан или купцов, чьи торговые интересы, могли пострадать в ходе мероприятий по благоустройству, активно противодействовали любым благим начинаниям властей.

На протяжении всего изучаемого периода происходила трансформация не только идеологического и художественно-стилистического дискурсов градостроительства, но и практики градостроительства. Застройка городов региона, хотя и осуществлялась в соответствии с принципами регулярности, однако уже в 1830-1840-е годы стали заметны новые тенденции. Если в 1780-е – начале 1830-х годов архитектурно-пространственная среда провинциальных городов формировалась главным образом под влиянием природно-климатических факторов и предписаний центральной власти, то со второй четверти XIX столетия во многих волжских городах начинает доминировать торгово-экономический фактор.

Одновременно с этим в градостроительной деятельности четко обозначилась тенденция разгосударствления, которая окончательно нашла закрепление в указе 1858 г., разрешавшем отступать от образцовых проектов при строительстве частных домов [25, с. 619]. В то же время далеко не во всех городах Среднего Поволжья можно было воспользоваться услугами профессионального архитектора, что предопределило своеобразие вкусов горожан, которые пользовались образцовыми проектами даже в более поздний период, когда государство отказалось от влияния в сфере градостроительства. Таким образом, в градостроительной практике региона нашли отражение как общероссийские тенденции, так и местные особенности, проявившиеся главным образом в архитектурной стилистике, застройке городов, реализации мероприятий по благоустройству.

Список литературы

1. **Артамонова Л. М.** Рукописи Г. Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5-1. С. 229-337.
2. **Беккер В. И.** Воспоминания о Саратовской губернии. М.: Тип. Т. Г. Волкова и К°, 1852. 76 с.
3. **Бирюкова А. Б.** Проблемы благоустройства и пожарной безопасности в поволжских городах первой половины XIX века (по материалам Саратовской, Симбирской и Пензенской губерний) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6-1. С. 30-34.
4. **Бирюкова А. Б.** Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2009. 324 с.
5. **Бурая И. В.** Архитектура Сызрани конца XVII – начала XX в. Сызрань: ООО «Полиграфия», 2008. 176 с.
6. **Владимиров М. М.** Первое столетие Вольска // Саратовский сборник. Саратов, 1881. Т. 1. Отд. 1. С. 17-64.
7. **Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при I отделении департамента Генерального штаба** / сост. Буйвид, Безносиков. СПб.: Изд. при первом отделении Департамента Генштаба, 1853. Т. V. Ч. 3. 186 с.
8. **Государственный архив Пензенской области** (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1.
9. **Государственный архив Саратовской области (**ГАСО). Ф. 3. Оп. 1.
10. **ГАСО.** Ф. 600. Оп. 1.
11. **Градостроительство в России середины XIX – начала XX века** / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2010. Кн. 3. 616 с.
12. **Духовников Ф.** К истории топографии Саратова (начала нынешнего столетия) // Саратовский край. Саратов: Сарат. общ-во вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. Вып. 1. С. 116-154.
13. **Зоден Ф. Ю.** Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в пензенской губернии / подг. публикации, предисл., пер., коммент. С. В. Белоусова. Пенза: ПГПУ, 2006. 64 с.
14. **Зорин А. Н.** Застройка и экология малых городов. Казань: Изд-во Казанского университета, 1990. 154 с.
15. **Иванов Вяч. Вас.** К семиотическому изучению истории большого города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1986. Вып. 720. С. 7-24.
16. **Классика Самарского краеведения**: антология / сост. Э. Л. Дубман, П. С. Кабытов; под науч. ред. П. С. Кабытова и Э. Л. Дубмана. Самара: Самарский университет, 2007. Вып. 3. 432 с.
17. **Куприянов А. И.** Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007. 480 с.

18. **Леопольдов А.** Статистическое описание Саратовской губернии: в 2-х ч. СПб., 1839. Ч. 1. 190 с.
19. **Летучева О. А.** Региональные особенности архитектуры Пензенской губернии эпохи классицизма: дисс. … к. архитектуры. М., 2000. 170 с.
20. **Литвинов Д. В.** Влияние российского правового регулирования на застройку городских прибрежных территорий в XVII-XIX вв. (на примере Среднего Поволжья) [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2. Ч. 2. С. 121-123. URL: http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2014_2-2_29.pdf (дата обращения: 20.03.2014).
21. **Мартынов П. Л.** Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск: Симбирская губернская ученая архивная комиссия, 1898. 400 с.
22. **Наследие: культура Пензенского края в документах эпохи, письмах, мемуарах современников, исследованиях, статьях и художественных произведениях** / авт.-сост. К. Д. Вишневский, Н. М. Инюшкин. Пенза, 1994. 437 с.
23. **О дозволении на назначенных по плану в г. Симбирске под каменное строение местах производить деревянное на каменном фундаменте**: именной указ, данный Симбирскому гражданскому губернатору князю Хованскому от 18 июня 1804 г. № 21353 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXVIII.
24. **О порядке разрешения частных построек, коих фасады отступают от образцовых чертежей**: именной указ, объявленный Сенату, главноуправляющим путям сообщения и публичным зданиям от 28 апреля 1858 г. № 33115 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1860. Собрание II. Т. XXXIII. Ч. 1.
25. **О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо**: сенатский по именному указу, объявленному генерал-прокурором Глебовым от 25 июля 1763 г. № 11883 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVI.
26. **Об образовании на правом берегу Волги Самарской губернии**: именной указ, данный Сенату от 6 декабря 1850 г. № 234708 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание II. Т. XXV.
27. **«Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII-XIX вв.** / под ред. В. Н. Иванова. М.: Госстройиздат, 1961.
28. **Осятинский А. И.** Строительство городов на Волге. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1965. 191 с.
29. **Отдел рукописей Российской национальной библиотеки** (ОР РНБ). Ф. 163. Оп. 1.
30. **ОР РНБ.** Ф. 246. Оп. 1.
31. **Пирожкова И. Г.** Градостроительное законодательство Российской империи как элемент экологического права [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. 2. С. 145-149. URL: http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_4-2_34.pdf (дата обращения: 20.03.2014).
32. **Пирожкова И. Г.** История строительного законодательства Российской империи. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. 288 с.
33. **Попов К. И.** Записки о Саратове // Саратовский край. Саратов: Сарат. общ-во вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. Вып. 1. С. 155-236.
34. **Попов П. К.** Город Самара // Приложение к календарю Самарской губернии на 1873 год. Самара, 1873. С. 1-36.
35. **Российский государственный исторический архив** (РГИА). Ф. 796. Оп. 120.
36. **РГИА.** Ф. 1287. Оп. 39.
37. **Русское градостроительное искусство. Градостроительство в России середины XIX – начала XX века** / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 340 с.
38. **Саратовские губернские ведомости.** 1843. № 38.
39. **Симбирск и его прошлое.** Ульяновск: Лаб. культурологии, 1993. 127 с.
40. **Симбирские губернские ведомости.** 1840. № 3.
41. **Смирнов Ю. Н.** Переустройство юго-восточных губерний России в процессе их освоения // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2013. Вып. 3. С. 331-336.
42. **Терехин С.** Века и камни: памятники архитектур Саратовской области. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1990. 151 с.
43. **Хохряков В. А.** Материалы к истории г. Пензы (из дел архива Пензенской городской думы с 1786 г. по 1820-е гг.) // Труды ПУАК. 1906. Кн. III. С. 3-76.
44. **Центральный государственный архив Самарской области** (ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 1.
45. **ЦГАСО.** Ф. 170. Оп. 6.
46. **Чернявская О. С.** Изучение идентичности горожан // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 96-102.
47. **Шквариков В. А.** Планировка городов России XVIII и начала XIX в. М.: Изд-во Всес. Акад. архитектуры, 1939. 256 с.

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF TOWN-PLANNING ACTIVITY AT THE END OF THE XVIII – IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY (BY THE MATERIALS OF THE MIDDLE VOLGA REGION)

Biryukova Anna Borisovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Samara State Technical University
annabir@mail.ru

The article is devoted to the formation of the architectural-spatial environment of the provincial towns of Russia in the age of “the long XVIII century”. The goal of the work is to study the sociocultural aspects of town-planning activity by the example of the Middle Volga region. The author focuses on the practice of town planning. The changes, which took place in town spatial environment, allow concluding that the towns of the region entered a new stage of modernization development and were in the state of transition from the town of the late feudal age to the pre-industrial one.

Key words and phrases: planning; building of the Middle Volga region towns; unauthorized building; town beautification; pre-industrial town; architectural-spatial environment of provincial town.